Андрей Гущин САТУРНАЛИИ

KRESCHATIK
International Literary magazine

Андрей ГУЩИН

САТУРНАЛИИ

Избранные стихотворения

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Андрей
ГУЩИН

САТУРНАЛИИ

Избранные
стихотворения

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2025

УДК 821.161.1’06(477)-14
Г 98

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Гущин А.

Г 98 Сатурналии / Гущин А. — Друкарський двір Олега Федорова, Київ 2025 — 112 с.

ISBN 978-617-8000-85-1

В новую книгу Андрея Гущина, известного киевского поэта, главного редактора международного литературно-художественного альманаха «Новый Гильгамеш», автора поэтических книг «Атлантические песни» (1999), «Солнечный остров Буян» (2012), «Сизиф на вершине» (2018), «Оболонь и окрестности» (2022), «Покрова» (2023) вошли стихотворения, написанные в 2018–2024 годах.

УДК 821.161.1’06(477)-14

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8000-85-1

© Гущин А., 2025
© Федоров О.М., видавець, Київ 2025

Из книги
«ПОКРОВА»
(2023)

СПАСЕНИЕ БАБОЧЕК

Откроешь окно пошире,
Стараешься выгнать пленниц,
Чтобы витали в эфире
Миниатюрные мельницы.
Но что-то их отвлекает
От собственного спасения.
Свобода теперь пугает
Возможностью воскресения.
Просто их срок подходит,
Полет бесполезный труден.
Они покорились природе,
Как некоторые люди.

* * *

Трава нежнее фильдеперса,
Прижмусь щетинистой щекою
К весёлой кашке или вереску.
Земля всегда была такою
Невыразительной и бренной:
Пустое место; бурый топос.
И вдруг раздался во Вселенной
Цветов невероятный голос.

КИТАЕВА ПУСТЫНЬ

Когда в Китаево поеду
Святыни посетить живые,
Заскачут галки-непоседы,
На корки зарясь дармовые.
Зардеют дальние пещеры
И облаков нетленных мощи.
И листопад, как символ веры,
Смиренно воспримет роща.

ВОРОНА

Ворона на траве лежала.
Осока острая, как жало.
Ты скажешь — невидаль какая!
Кругом ковид, беда лихая.
Что нового в ничтожной смерти?
Но было что-то в том, поверьте!
Свежи зелёные дубравы,
В них жизнь главенствует по праву.
Не время сетовать о прошлом,
Но страшно набок шея скошена!

* * *

Прольётся на поля елей.
Сойдёт увядшая зеленка.
Порвется все, что было тонко,
Под клич печальный журавлей.
И брызнет красками на холст
Зимы фисташковое солнце.
Оно в лицо тебе смеётся,
И чепчик на затылок сполз.

* * *

В кашне по самый нос укутанный,
Стою, как баба на Привозе.
Расчесываю мысли, спутанные
На удручающем морозе.
Я, как Раскольников, раскаялся,
Расплакался, как Несмеяна.
А с Пушкиным Дантес расправился
За слезы горестной Татьяны.

* * *

А если Пушкин, то Соснора
И прочие с повадкой птичьей,
Берущие свои соноры
Из сумрачного безъязычия.
Дитя у слишком многих нянек,
Невыплеснутое до конца,
Поэзия — печатный пряник
С медовым привкусом свинца.

* * *

Разобьюсь об лёд, как рыба,
От великого терзанья.
Сила атомного взрыва
Бродит в поле под Рязанью.
Там колокола отлиты,
И грехи отцов отмолены.
Карта мира Кантом бита,
Невзначай под стол уронена.
Две макушки у церквушки.
Крестишься на обе сразу.
Пушкин — черт голубоглазый
Нам на царствие помазан.
Снова наши Палестины,
Палисадники снаружи,
А внутри снегов грустины,
Именины белой стужи.
Рыжий пес на куропатку,
Варвар на фасады Рима.
С ястребиною повадкой,
Что уже неистребима
Я смотрю вослед украдкой.
И в тоске необъяснимой,
Ты проходишь без оглядки.
Как всегда, проходишь мимо...

* * *

Тулузлотреком окаянным
В кабак осенний пьяным вломишься:
«А подавайте нынче скромницу
Читать хадисы из Корана!
Сююмбике из башни проклятой,
Шахерезаду из Иваново».
И роща поминает шепотом
Неврозы грозного Ивана.

* * *

Ранение. Кремлевский выстрел.
Радение. Хлыстовский выкрест.
В овраг упала колокольня.
Разбила кумпол, но не больно.
Не собрала костей наивных.
Наносит ей мороз узоры
На лоб кустодиевский розовый,
На профиль дивный.
И мнится: без дорог по гатям
Идёт зима в сапожках аленьких
Сафьяна бы не замарать ей,
Когда приличествуют валенки.

ЭЛОХИМ

Ясный пане Элохим,
Принеси любви морошку,
Будем стряпать понемножку
В пору бесконечных зим,
Чтобы черствая душа
Даже на морозе таяла.
Чтобы резать без ножа
По сердечному металлу.
И вотще не горевать,
Зная обещаниям цену,
Залезая под кровать
От безжалостной сирены.
Добрый доктор Элохим,
Отчего недуг так труден?
Головы моей на блюде
Жаркий пламень, горький дым...

* * *

На Оболони, за урочищем,
За тем кессоном раскуроченным
И заведеньями питейными
Лежат ничейные владения.
На островах песчаных зыбких
И в перелесках хрупких, хлипких,
Страдающих от желтизны,
Любил гулять я до войны.

* * *

Мане, Моне — какая разница?
Контркультура передразнена,
А новое наступит позже
Назло официальным рожам.
Мы — удобрение для праведных,
На черный шабаш и шабáш!
Мы — поколение раздавленное,
С лучком размолотое в фарш.

* * *

Стелился утренний туман.
Земля с людьми тепло прощалась.
Ей пруд поднес воды стакан
К губам — она заулыбалась.
Завьюжит скоро, заснежит,
По целине поскачет заяц.
И снег, что хорошо лежит,
Смягчит страдание, как смалец.

* * *

Скоропостижная капель.
Снегов задумчивая талость.
В законопаченную гжель
Тайком вернулась солнца шалость.
И вот царит по первопуткам
Такая вешняя веселость,
И смех, как Божья прибаутка,
И свет по радостным проселкам.
Уйдёт в кивоты и лампады
День строгий, солнечный, безгрешный.
Мы будем счастливо всеядны
И тайно влюблены, конечно.

* * *

В конверт сложились небеса.
Кто адресат, кто отправитель?
Витает сонная оса,
Через луга идёт служитель
В свой старый деревенский храм.
Дрожит полуденное марево.
И человечеству пора
Науке жить учиться заново.

ОКТЯБРЬ

Я — Октября последний выродок,
Чей Оруэлл вдвойне язвителен,
Но поводок безбожно короток.
Меня, конечно, извините.

Я не успел ступить на палубу
«Авроры» экстренным матросом,
Как повсеместно дали занавес
И закурили папиросы.

* * *

Ничто не делится на ноль,
Но умножается.
Ты заказную бандероль
Прими, пожалуйста.
Я заведу подаркам счёт
На будущее.
Ах, осень, не лети вперёд,
Побудь ещё!

Из книги
«ПАЛЬМИРА»
(2025)

САТУРНАЛИИ

Па́дуб, омела и плющ.
Священная наша роща.
Дождь, с воскресения льющий,
Над Украиной дощ.

Вышел Сатурн в короне,
Звезды с лица спали,
Тихо сидят в схроне
На облачном перевале.

* * *

Впадает Тиса в океан любви,
Ты по волнам беспомощно плыви,
И от беды несмело удаляйся,
И, как младенец, тихо улыбайся,

Пуская пузыри. На всю округу
Ни дыма, ни жилья. Движенье к югу —
Все, что осталось си́ротам в наследство,
Как парусник игрушечный из детства.

* * *

Так гений и злодейство не совместны,
Как поезд и перрон,
И, как известно,
Ничто не отдаляет друг от друга
Надёжнее, чем за бортом округа.

Швартовы отданы, ведь бог — не запятая,
Готова Ахиллесова пята, и
Зима, как купина, неопалима,
И долу гнётся ветвь неумолимо.

* * *

Перрон отчаянный вдали,
И за поземкой город Смеха,
Уплыли скорбные рубли
Вниз по теченью человека.

И он, непостоянный паж,
Служить готов кусту малины,
И Зимний брать на абордаж,
И купиной неопалимой

Пылать. Но скорбный Капитан
Не знал, что в море ходят волны,
И воют ветры дальних стран,
А трюмы-тюрьмы казнью полны.

* * *

Воспоминаний алый зев,
В кумирнях рушатся кумиры,
Грехи беспомощной Пальмиры
Читает ангел нараспев.

Есть в углях глаз, белилах лиц
Предначертание благое.
Народы в страхе пали ниц
На поле бранное нагое.

* * *

В кумирнях идолы курятся,
И окровавленные люди
На диких площадях толпятся,
Алкая головы́ на блюде.

Иродиада строит козни,
Большому кораблю большое.
Кровосмесительные розни
И пляски дев под анашою.

* * *

Взметнутся пестрые понёвы,
У девы ноги обнажатся,
Суровы клятвы Иеговы,
Как бы, друзья, не облажаться.

Небесный свет летит в проулки,
Шумит армада площадная,
Армида честь хранит в шкатулке,
Иерусалима не пятная.

* * *

Горят купальские огни,
Рублев с язычницей якшается,
Монастыри куда ни ткни,
Но Страшный суд не завершается,

Как однова заведено,
Юлой все крутится библейскою,
И льется Канское вино,
И плещет море Галилейское.

* * *

Галлоны зельтерской воды
Хранят глухие перевалы,
Завоевателей следы
Потоки бурные смывали,

Чу, в чаще рубит дровосек
Смерек ссутулившихся спины.
Мольфар, дохаживая век,
С вершин спускается в долины.

* * *

Из пункта «А» выходит поезд,
А пункта «Б» не существует.
Здоровый машинист сноровист,
Ведёт себе и в ус не дует,

Ах, жизнь, как этот поезд дальний:
Не то, что под откос — за о́блак.
И вряд ли есть маршрут провальней,
И точно нету остановок.

* * *

Рассвет кровавою стрелой
Вонзился в серенькое небо.
И за руку вкруг аналоя
Планеты водит старый ребе.

Сверкает золотом дацан,
И отступает темнотища.
И Слово вновь даёт пацан,
Что будет день и будет пища.

* * *

Как лядвия наполнились любовью!
Мне хорошо бездельничать с тобою,
Вино в бокалы плещет Дионис
И зеленеет скорбный кипарис.

Горы Дарсан священная обитель.
А чаек крик тревожен и пронзителен.
Жемчужна хмарь над предрассветной кромкой.
Там тишь да гладь
И кораблей обломки.

* * *

Печальней Вечного огня
Горит расхристанная осень,
И боль уходит от меня,
Не отвечая на вопросы

«Куда», «зачем». Она права.
Недаром журавли курлыкали.
Идут сегодня на дрова
Любови наши с закавыками.

* * *

Дела простые и великие
Не начал даже, вышел срок.
На велике по повилике,
На запад или на восток.

Лишь север забубен навечно,
Там моют золото монахи.
Журчат потоки скоротечные,
Кричат неведомые птахи.

ЗИМА

С черновиками вмиг покончено.
Все набело. Нельзя налево.
И, если юность присмирела,
То старость до весны
отсрочена.

Кто любит слякоть, пост и бдение,
А кто весёлую ангину,
И учащенное биение
Сердец, и всплеск адреналина.

* * *

На день полчашки молока
И мёду ложка. Быть удаче!
И туча в поднебесье плачет,
Сорока на помин легка.

А ты выходишь из больниц
На божий свет, небритый жутко,
И улыбается Анютка,
И глазки опускает ниц.

* * *

Атланты силою земли
Питаются — бессмертной перстью.
И ты в намоленной пыли
Займёшь проторенное место

Под улюлюканье толпы.
Никто не поспешит на помощь.
Пшеница вяжется в снопы.
Ещё мгновение — ты овощ…

* * *

Облака разрывает надвое,
И трясётся земля плоская.
Если будет война с Англией,
Мы, конечно, сдадим Косово.

И уйдет из-под ног шарик,
Черепаха с китами скользкими.
Мне не нужен другой подарок —
Только б видеть твой профиль польский.

* * *

Свиная рулька или Рильке,
Который шнапс любил и женщин.
А кто не любит шнапс и шпильки,
Тому не стать кауркой вещей.

Вот и качусь по переулку
Колбаской и кажусь «с приветом»,
Но все проходит. И поэтому
Поэт разламывает булку

И кормит голубей досужих,
Как Вицин — от душевной боли,
А ребятня бежит по лужам,
Так нам уже не бегать боле.

* * *

Весёлый свет горчит немного,
Но жизнь и так полна ошибок,
А жимолость, как недотрога,
Смеётся нежно и фальшиво.

Как пустобрех, стихи заладишь
Читать захожим перелескам.
Наотмашь вдруг забор ударишь,
Сам упадёшь на землю с треском.

* * *

Рассвет над Верке. Ходят низко,
Как табуны, большие тучи.
Спускает менеджер получку
На молодую одалиску.

Она подвесками из олова
Звенит, монисто потрясает.
А солнце миро льет на головы
И отирает волосами.

* * *

Гроза, поднялся виторган,
Заколыхалась муть ореховая.
Расхристан Киева кафтан.
Набилась пыль в его прорехи.

Ни жив, ни мертв стоит монах,
Не то, чтоб принял спозаранку,
Но шмон на Киевских горах.
Жизнь вывернутая наизнанку.

* * *

Ветерок бежит за дамбу,
За лимонные лиманы,
Руки в рваные карманы,
Боги любят дифирамбы,

Лес заладил аллилуйю,
Все цветы и пчелы в сборе,
Парус реет на просторе,
Гром гремит напропалую.

* * *

Останься там, где золото полей
И шепоты земли под каблуками.
Царица нив и сонных журавлей
Тебя обнимет белыми руками.

И, как лоза, стремящаяся ввысь,
Ты вырастешь из старого пальтишка —
Из прежней жизни. Что такое жизнь,
Как ни прочитанная в детстве книжка?

* * *

Живописал урочище Наталку
И Оболонь, воскресшую из пепла.
Она, как саженец в земле, во мне окрепла,
Но втуне осыпающихся жалко

Янтарных слив и мимолётных чувств,
Не собранных заботливо в лукошко.
Была б Любовь важнейшим из искусств,
Тогда бы не встречали по одёжке.

* * *

Из тени в свет перелетая.
Говерла зиждется святая.
Шумят послушные смереки,
Рыбешку ловят человеки,

А человеков военкомы.
За шкирку на войну влекомы,
Они с невестами прощаются
И на круги́ не возвращаются.

* * *

Летит стрела каленая
На Ужгород затисканный.
В курзалах пианистки,
Их тянет на солёное.
Их тянет на великое —
Ба-бах и в Себастьяны.
А завтра поле дикое,
Загнившие лиманы.
Не дай сойти нам, Боже,
С пути узкоколейного.
И нас забудут тоже,
Как в мавзолее Ленина.

* * *

Пойдёт писать губерния,
И отойдёт в бессмертие
Вселенная Коперника,
В которую не верите.

Ведь жизнь — холмы без проблеска,
Как Бродский
откровенничал,
Цветут в низинах пролески,
Поют хрустально Сенчины.

* * *

Утром солнце встаёт зелёное
Над оранжевыми перелесками.
Плещешь воду в лицо соленое,
Вытираешься занавеской.

И, смирившись с чужими слабостями —
Счастье в руки идет само —
Каждой мелочи в жизни радуешься,
Как московскому эскимо!

* * *

Время смешное,
Большое, как дом.
Ну шо ты? А шо я?
Я — дым над прудом.

Летейские земли,
Земная краса.
И красное лето,
А в зенке слеза.

* * *

Благословенно место лобное,
Где декабристов обагряли,
Мы юность в карты проиграли,
А застрелиться неудобно.

Гори, любовь, рябиной красной,
И в радости и в горе будь
Наградой жениху напрасной,
Веригой каменной на грудь.

* * *

Монтень мне брат, сестра — де Кирико́,
Возьмем буханку свежую стихов,
Любви чекушку и айда на волю,
Поближе к бореальному подзолью.

Кукареку, маячишь далеко,
И откликов уже не услыхать,
Лишь ветер донесет из облаков:
«Тьматьматьматьматьмать!»

* * *

Зацвел небесный Рожошкерт.
Ни басурмана нет, ни овода.
А на часах Зиновий Гердт
Или бесплотный слепок с оного.

Идиллия! Но борщевик
И здесь пустил нездешний корень,
Как будто новый большевик
Кресты сшибает с колоколен.

* * *

Тяжелый снегопад прошёл.
Розовощека гладь залива.
Волна, как Гегель, говорлива,
Хоть смысла плеск её лишён,

Но есть такие знатоки,
Среди юродивых особенно,
Что грамотеям вопреки
Читать умеют по колдобинам.

* * *

В рассветной мгле проделано отверстие,
А сверстники часов не наблюдают.
Не замечают признаков бессмертия —
А листья потихоньку опадают.

На пожелтевшем лбу
морщинок россыпь,
Как звезд в созвездии Москва — Кассиопея.
Стоит, как девочка отчаянно робея,
В сторонке осень.

* * *

Гроза над лугом. Бог семян
Взошел овсом и лопухами.
Ещё немного и ван Дамм
Небесный встанет с петухами.

Коровы замычат угрюмо,
К ним выйдет ранняя доярка,
Над рыжеватым окоемом
Луна коптит свечным огарком.

* * *

И чёрный снится Грибоедова
Канал, и Мойка, и Литейный.
Исход известен мне заведомо
И заведение питейное,

В котором рано или поздно
Мы повстречаемся случайно
За то, что жизнь прожили порознь
На Оболони и Почайной.

* * *

Виляя задом, жмёшь на велике
В крутую горку — вид
расхристанный.
Холмы пролётывают мельком
И тени велосипедистов.

Сансары колесо квадратное
(Вязь со священными животными)
Путями катится превратными,
Дорогами бесповоротными.

Издалека, почти не видимый,
Встаёт внезапно на ходули
Паромщик в жёлтой майке лидера,
И пелотон гудит, как улей.

Не каждому дано — до финиша.
Сверни тихонько на обочину
Без этой суеты и кипиша,
В конце поставив многоточие...

* * *

Поднимешься над пошлым дрязгом
И околпаченной страной,
Над собственностью гос. и частной
И обезумевшей шпаной.

Поймешь, что рабский Труд напрасен,
Мир первобытен и жесток.
Лишь Май по-прежнему прекрасен —
Неиссякаем турпоток.

* * *

Рубильник вырубить вчистую.
Впустую прогреметь по весям.
Весьма простые обалдуи,
А в небесах медовый месяц.

Шагнешь и выгнешься во фрунт
От нравственного перегруза,
От городского передоза,
Неунавоженный, как грунт.

* * *

В беспамятство, как в прорубь, кануть.
И ключик кинуть золотой
В трясину. Не дает увянуть
Кувшинкам лето с бородой.

Отягощенный злом и жижей,
Неотмываемый, живой,
Заласканный девчонкой рыжей
И сыромятной муравой,

Полощешь клок волос русявых
В ветхозаветных чернобривцах.
И одуванчиков малявы
Скучают в лужицах живицы.

* * *

Моя келейка обихожена.
Моя колейка прямоезжая.
А если зацвела Остоженка,
На выходных обрежут Брежнева.

Его усы у всех на памяти.
37-го ворон розовый.
Стояли дервиши на паперти,
И комсомольцы пели здорово

Авемарию или отченаш.
И Сталин взял на карандаш
Пожитки или пережитки,
Неуставной подхалимаж.

* * *

Рутина засосала, как шалава.
Перекладные нынче электрические.
Военкоматов чёрная облава.
И голова ефрейтора сферическая

По Фрейду хорошенько недовыбритая.
И тошнотворно холуями пахнет осень.
И хлопьями идет зима убитая.
И актуальна вновь винтовка Мосина.

* * *

Проснёшься в летнюю грозу.
Бегут ручьи по Иорданской.
Так камень смотрит на косу
С тупой улыбкою мещанской.

Есть в вихрях северных широт,
В услугах шлюх, объедках шпрот
Не столько бездна огорчения,
Но шиворот навыворо́т.

* * *

Весна куда как хороша —
Сплошной туман и канонада.
Дойду до почты, чуть дыша.
Она закрыта — так и надо.

И поделом мне эта весть,
Точней, отсутствие искомой.
И блокпосты, и город весь
До дрожи нервной незнакомый.

Из книги
«СИЗИФ НА ВЕРШИНЕ»
(2018)

* * *

Кадмия, цинка, прочего колдовства
Много в прибрежной гальке. Мертва листва.
Трупы сгребает дворник, хоронит их
В общей могиле без надписей и молитв.

Море в безумии гложет бетонный пирс.
Если смотреть на волны, захочешь вниз —
Туда, где рождается пена, юна, нежна,
Где даже твоя измена не так важна.

* * *

Назад вертайте молодость, и честь,
И все, что позабыл, как называлось,
Что было, было. Или показалось?
И будет, будет
Но не здесь, не здесь.

И голос, голос, чтобы все сказать
Начистоту без всякого испуга.
Вернуть жену и помириться с другом,
Найти отца и успокоить мать.

Но пыль в глаза — все божия роса,
И ползок путь к последнему пределу,
Где никому ни до кого нет дела.
Где только музы, только небеса.

* * *

За лесом, за морем,
За плёсом и полем
Есть тяга земная
И шняга блатная.

Три древние Мойры
Там режутся в кости
На жёлтом откосе —
Ай, что вы, ай, бросьте.

Решаются споры
И сводятся счёты.
Им глаз на троих
Словно точка опоры.

И гомон до неба,
И шмон без возврата.
Гнусили три девы,
Косили три брата…

* * *

В небес заглядываешь линзу —
в ней то, что сверху, то и снизу,
как утверждалось Трисмегистом,
а ты — как заяц в поле чистом —

На тёмном фоне белый-белый,
Такой косой, такой несмелый.
Петляй, не прекращая бег,
пока не выпал первый снег.

* * *

Когда тебя, как скот, грузили
В теплушки и на фронт возили,
Когда на всех одна победа,
А ты мрачнее тучи глазом
Косил, как жеребец, свирепо
И бормотал «не жди ни разу».
Когда взмывала вверх ракета,
И наземь падал каждый первый,
В живых ты чудом оставался
Иль притворялся.

КИЕВСКАЯ ОСЕНЬ

Прозрачная приходит осень,
Контора пишет, ветер носит.
Бунтует пламенный грузин.
Здоровый дух в астральном теле
Встать не торопится с постели,
Хлебнувши холода низин.

В кострах, как ведьм, сжигают листья.
Любовный пыл стихает быстро,
Блажен, кто ближним не любим.
Его бесплодная природа
Не увядает год от года
И равноангельна, как дым.

КРАСНЫЕ ПРЕСНИ

Выкинешь слово из песни,
Сядешь, бывало, к окну,
В гости на красные пресни
Не зазовешь ни одну.

Пусто свинцовое небо,
Сброшен ненужный балласт.
Был на Москве или не был
Отрок патлат и скуласт?

Будто бы вовсе и не жил
На изобильной земле
К белым отчаливший вежам
В черном своем корабле.

* * *

Как для ребёнка шоколадка,
Мне голос твой.
Звони, звони по мне украдкой
Чугунный колокол над синею Москвой!
На этот зов густой слетятся утки,
Как на рожок.
Я селезень с зеленой грудкой.
Я твой дружок.
Поднимется охотника
Немецкая двустволка.
Уйдёт патрон
В холодный лабиринт
Таинственный и звонкий,
Как летний сон...

* * *

Между людьми растёт стена.
Великая грядёт война,
И тварь ощерена стозевная.
Пророчества околоземные

Сбываются. Синеют лютики
Под Лютежем, а злые путники,
До половины путь прошедшие,
С тоской заглядывают в трещину:

Неведомо, что будет далее:
Скандалы, кандалы, медали ли
На черных бархатных подушках.
Утруска, стало быть, усушка.

* * *

Я, вскрикнув, пробудился ото сна.
А за окном — дешёвые шалманы.
Холодные одесские лиманы.
Бульваров обнажённая десна.

Склонивши голову, полощешь клок волос
В багряной мгле, как сарафан, камчатой.
Я был знаком, знаком с тобой когда-то,
Но как болезнь знакомство перерос.

* * *

Пророческий сумбур событий
И стук упрямый каблуков.
Остановить, остановить бы!
Он вышел, вышел, был таков,
Продолжив путь до Трёх Вокзалов,
И до куличек, до Курил.
Она ему носки связала.
И лишь о главном не сказала.
Замялась, так и не сказала,
А, впрочем, он и не спросил...

* * *

На часах — любовь без промедления.
У такси затёк зелёный глаз.
Я теперь в твоём распоряжении,
Экспе — до зари — ментальный джаз!

Саксофон попискивает, хрюкает,
Мыслящему внемля тростнику.
От бедра отдёргиваю руку,
Принимаю рюмку коньяку.

В голове — проклятые вопросы,
Лекции заумные виной.
В летнюю столицу, как в Каноссу,
Соберёшься — всюду выходной.

* * *

Воспоминаний синий лёд
Растопит солнце ретивое.
Не трое нас — наоборот —
А те застряли под Тувою.

Там край чудесный, говорят:
Дацаны, флаги, позументы.
И ламы под горою спят,
Цветные смотрят киноленты.

* * *

Печальной рожей упаду в траву,
В густые васильки и медуницу.
Так хорошо, как будто наяву
Я грежу. По стволам течёт живица.

И запах мыла хвойного летит
Над перелесками, оврагами, ярами.
Потёртый фотоаппарат «Зенит» —
Единственный посредник меж мирами.

Из книги
«ОБОЛОНЬ И ОКРЕСТНОСТИ»
(2022)

ИСТОЧНИК

В святой источник погрузишься.
В сон окунешься с головою.
Зеленой порастешь травою,
В воде прозрачной растворишься

Столовой солью, красным солнцем,
До преисподней достающим,
На поклонение японцам,
Во утешение живущим.

* * *

Скажи «халва» медовыми устами.
А мне не сладко, ведь весна на свете.
Играют дети под чугунными мостами,
И рыбаки закидывают сети.

Что попадется в них, никто не знает.
Ни тетя Песя, ни соседский малый.
Волна зеленая шаланду накрывает.
И это к лучшему — тоски как не бывало.

* * *

Живописать Наталку, Оболонь,
Деснянские глубокие затоны,
Товарняков полуночные стоны,
Блуждающий по пустошам огонь.
На твёрдом оставаясь берегу,
Следить, как медленно зрачок залива,
Сужается, и сиротливо
Синеет селезень на девственном снегу.
Как постепенно крепнет хрупкий лёд,
И вот уже забыв о простатите,
Приняв сто граммов — строго не судите —
На ловлю собирается народ.

* * *

На Оболони воздух свежий.
Глядятся в зеркало коттеджи.
Настой речной лилов и мутен,
Как глаз Анютин.

Спешит бедовая блондинка
На йогу. Муж — владелец рынка.
Под мышкой сумка и болонка
Вместо ребенка.

Входной билет давно просрочен.
Кинотеатр заколочен,
Двойным забором оторочен
И обесточен.

Журнал «Основы мироздания»
Еще советского издания,
Морщиня нос и ус топорща,
Читает роща.

Холодный вечер рвет постромку,
Где сердце бьется, там и ломко.
Как дождик слеп, как сон тягуч,
Последний луч.

* * *

Безупречно поздний вечер.
Звёзд шелкóвых покрывало.
Предвкушали радость встречи,
А её как ни бывало.
За кулисой пахнет дёгтем.
От волнения сердце стынет.
Помолюсь зелёной Нюкте,
Причащусь её Святыне.
Холодок бежит по сцене.
Мгла клубится над рядами.
Я борюсь с оцепенением,
Прибывающим с годами.
А галёрка рукоплещет
И топочет сапогами.
Лишь балкон безмолвно блещет
Мишурой и жемчугами.

* * *

Ночь наступила вырви глаз.
День, как тюльпан, поставлен в вазу.
Спустился с неба верхолаз
Округу елеопомазать.
Легла в летейский ил плотва,
И сом забился под корягу.
Впотьмах горит едва-едва
Рекламный щит универмага.

* * *

На Оболонь слетелась дичь.
Лиловый селезень без глаза
Лежит тяжёлый, как кирпич,
На чёрной грязи непролазной.
А за мостом просыпан снег
Пшеном для перелётной стаи.
Его сгребает человек
За проржавевшие трамваи.

В иллюминаторах баржи,
Плывущей тихо по течению,
Мелькают солнца миражи
И прошлой жизни отражения.
В темницах узеньких кают
Матросы самогонку пьют
Бесхитростные и простые,
Как стрехи до весны пустые.

* * *

Степные травы и цветы
Весенним сполохом объяты.
Завернут в кашку, как в бинты,
Лежу угрюмым митридатом.
А солнце сушит бирюзу
Без жалости и колебаний
И человека, как лозу,
Закладывает в свой гербарий.

* * *

Песок и солнце, как часы
Не требующие подзавода.
Цистерны в капельках росы
Паркуются у пивзавода.
Тельца тщедушные стрекоз
Мелькают в заводях прибрежных.
Стальной подрагивает мост,
Построенный ещё при Брежневе.
За пустырями край земли.
Индустриальные проплешины
Седой полынью поросли
И пыльной зеленью орешника.

* * *

Троещина. Пустой залив.
Мосты ещё не разводили.
Исчезла в сахарной дали
Подола ржавая идиллия.
Как по звонку, микрорайон
Свет в окнах темных зажигает.
И до утра наркобарон
С шалавой в кабаке гуляет.
Домов последних номера:
Объезды, тупики, обрывы.
В провалах старого двора
Рекламы свежие нарывы.

* * *

Замостье. Одичавший парк.
Барбос, привязанный к осине.
Московский мост, как Жанна Д'Арк,
Облитый солнцем и бензином.

Вдали мелькнёт велосипед.
Туристов потянуло в рощи.
Клубами пыль за ними вслед
И облаков святые мощи.

* * *

В заброшенном бесхозном парке
За старым вантовым мостом,
Где солнце пыльное неярко
И берег в платьице простом
Сливовом, ивовом, ракитном,
Я изредка люблю гулять.
Район конечно неэлитный,
Зато коттеджей не видать.
Мелькают велосипедисты
И одиночки — рыбаки,
А дальше луг и поле чисто
В глухой излучине реки.
Бескрайняя цветная пустошь.
Пупавка, маки, васильки.
За дамбами кровавый Лютеж,
С войны пришедший без руки.
И ничего, что парк разрушен,
Остались щепки от него,
А у дверей во всеоружии
Стоит порядок мировой.

* * *

Выходят ржавые баркасы
Из тихих заводей на плёс.
Обрывы, кручи и террасы.
Край перламутровых стрекоз.
Поёт надтреснуто машина,
И кок мычит себе под нос.
Мелькают заросли крушины,
И драит палубу матрос.
Пустырь, песок, невзрачный кустик
На месте нынешних хором.
Воспоминания без грусти,
Как кинолента о былом.
Сменяются бесстрастно кадры,
Озвучивать их не резон.
Из моды вышедшие барды
Переключились на шансон.

* * *

Листва опавшая воскресла.
Совсем недавно пьяный дворник
Её в костёр бросал известный
И пепел разметал проворно.
И вот опять она на праздник
Нарядная пришла — о чудо!
У сторожа дитя без глаза.
Он пьёт, как дворник, беспробудно…

* * *

Весна натягивала стринги.
Мурашки по спине бежали.
Над Николаевом фламинго
Кружили белые на ржавом.
В сады Сардинии цветущей
Они, как видно, путь держали
Подальше от тоски гнетущей,
Прочь от Чернобыльских пожаров.
Мир озабочен катастрофой
Ветхозаветного масштаба.
На Тузловских лиманах дрофы
И бородавчатые жабы.

* * *

Часы разбиты на квадраты
(Или квадранты — кто их знает?).
Смотрю в лицо упрямым фактам.
Со мной особа молодая.
А время-деньги пузырится
На сковородке словно масло.
Девица верит в небылицы,
С ней, к сожалению, все ясно.
Светает. Воробьи на крышах
Чирикают, и наблюдают
За ними кошки. Из пальтишек
Коротких дети вырастают
Так быстро. Свет и тень вернее
Гипноза освежают память.
А солнце греет все сильнее,
И смолы начинают капать
С упругих шишечек сосновых.
В лесу под Вышгородом древним
Князья охотились, наверное,
Предпочитая жить в Ростове.

* * *

Из-под полы и на пол грудой —
Свет раскатился жемчугами.
Лежу себе, томим простудой,
Пергаментный, как оригами,
И грежу — значит существую
В мечтах. А кто-то умирает
Во сне, а кто-то наживую
Нас белой ниткою сшивает.
И этот человек за шкапом
В плену находится иллюзий.
Реальность действует нахрапом,
Зрачки расширенные сузив.
Скачи во весь опор лошадка,
Кружись на детской карусели.
В объятиях дремоты сладкой
Мы накататься не успели.

* * *

Ты говоришь, что время лечит.
Я соглашусь — святая правда.
Твоя улыбка это нечто.
И мятная на вкус помада.
Ещё замечу, что обоим
Постельный нам режим прописан.
Врачует сердце ретивое
Пуэр и пригоршня ирисок.

* * *

У детворы сегодня праздник.
Открылась новая площадка.
Завхоз с ослиною повадкой
Установил при въезде вазы,
Чтобы не ставили машины,
Но Киев обожает шины,
Конфеты с розовой помадкой
Внутри и карамелью сладкой,
И телефоны — синий, красный.
А номеров никто не знает.
Над городом шарообразный
Объект загадочный летает.

VENI, VIDI, VICI

Нетопленая горбольница.
Видна опора виадука
И надпись «Veni, vidi, vici».
Спасибо, что не «Suum cuique».
Пришёл и потерял дар речи.
Взгляд неосознанный блуждает.
Не победил, но делать неча.
Пускай другие побеждают.

* * *

Слышу плач Эвридики
И Орфеевый голос.
На Троещине дикой
Снова травы по пояс —

Красота неземная
И глаза с поволокой —
Под дождем, как Даная,
Наливаются соком.

Беспокойные утки
В камышах на затоне.
У строительной будки
Гоцци спорит с Гольдони,

Обнажая стигматы
И войну осуждая,
Обсуждают магнатов
И прирост урожая.

* * *

Для новой звезды на кителе голубом
Отверстие просверли.
Брови срослись и встали столбом,
Френкель спел «Журавли».

Чёрная Чайка в серебряный мрак
Над грустной землёй летит.
Кто тебе друг и кто тебе враг —
Счастливого всем пути!

* * *

Зацветёт ольшаник за бетонкой,
Закипят под берестою смолы,
Я пойду, как Гумилёв с котомкой,
Подпоясанный и с бородой до пола.

Буду бабочек разглядывать весёлых,
Как друид, срывать листы омелы.
За Троещиной — неведомые сёла
И озёр серебряные стрелы,

* * *

Куст черёмухи простой, как три копейки.
Перелески, ямы, косогоры.
Ржавые пути узкоколейки
Древние, как теорема Пифагора.

Скоро-скоро ото сна восстанет
Все, что долго ёжилось и млело.
Свежими покроются листами
Высохшие венчики омелы.

Птицы снова понесут по свету
Птичий грипп, и семена, и трели.
Яхонтом средь мартовской капели
Острый глаз блеснёт из-под берета.

* * *

Расти, как дерево — берёза или клён,
Как во поле последняя былинка.
Таинственный восходит Орион,
По локоть отсекая руку рынка.

Расти большой, огромный, как гора,
Чтоб в складках каменных играли дети.
Вот только память — это не игра.
Наружу выглянешь — весна на свете!

СОБОР

Созовите, святые, собор
И к нему многогрешных причтите.
Будут челочки на пробор
И накидок серебряных нити.

А за стенами будет весна
Будто девочка в сарафане.
Встанут мертвые ото сна,
Кроме бодрствующих в нирване.

Побегут по лугам ручейки,
Поплетутся стада на выгон,
Следом первые рыбаки
И последние забулдыги.

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «ПОКРОВА»
(2023)

Спасение бабочек 5
«Трава нежнее фильдеперса…» 6
Китаева пустынь 7
Ворона 8
«Прольётся на поля елей…» 9
«В кашне по самый нос укутанный…» 10
«А если Пушкин, то Соснора…» 11
«Разобьюсь об лёд, как рыба…» 12
«Тулузлотреком окаянным…» 13
«Ранение. Кремлевский выстрел…» 14
Элохим 15
«На Оболони, за урочищем…» 16
«Мане, Моне — какая разница?..» 17
«Стелился утренний туман…» 18
«Скоропостижная капель…» 19
«В конверт сложились небеса…». 20
Октябрь 21
«Ничто не делится на ноль…» 22

Из книги «ПАЛЬМИРА»
(2025)

Сатурналии 23
«Впадает Тиса в океан любви…» 24
«Так гений и злодейство не совместны…» 25

«Перрон отчаянный вдали…» 26
«Воспоминаний алый зев…» 27
«В кумирнях идолы курятся…» 28
«Взметнутся пестрые понёвы…» 29
«Горят купальские огни…» 30
«Галлоны зельтерской воды…» 31
«Из пункта “А” выходит поезд…» 32
«Рассвет кровавою стрелой…» 33
«Как лядвия наполнились любовью!..» 34
«Печальней Вечного огня…» 35
«Дела простые и великие…» 36
Зима 37
«На день полчашки молока…» 38
«Атланты силою земли…» 39
«Облака разрывает надвое…» 40
«Свиная рулька или Рильке…» 41
«Весёлый свет горчит немного…» 42
«Рассвет над Веркe. Ходят низко…» 43
«Гроза, поднялся виторган…» 44
«Ветерок бежит за дамбу…» 45
«Останься там, где золото полей…» 46
«Живописал урочище Наталку…» 47
«Из тени в свет перелетая…» 48
«Летит стрела каленая…» 49
«Пойдёт писать губерния…» 50
«Утром солнце встаёт зелёное…» 51
«Время смешное…» 52
«Благословенно место лобное…» 53
«Монтень мне брат, сестра — де Кирикó…» 54
«Зацвел небесный Рожошкерт…» 55
«Тяжелый снегопад прошёл…» 56
«В рассветной мгле проделано отверстие…» 57
«И чёрный снится Грибоедова…» 59
«Виляя задом, жмёшь на велике…» 60
«Поднимешься над пошлым дрязгом…» 61

«Рубильник вырубить вчистую…» 62
«В беспамятство, как в прорубь, кануть…» 63
«Моя келейка обихожена…» 64
«Рутина засосала, как шалава…» 65
«Проснёшься в летнюю грозу…» 66
«Весна куда как хороша…» 67

Из книги «СИЗИФ НА ВЕРШИНЕ»
(2018)

«Кадмия, цинка, прочего колдовства…» 68
«Назад вертайте молодость, и честь…» 69
«За лесом, за морем…» 70
«В небес заглядываешь линзу…» 71
«Когда тебя, как скот, грузили…» 72
Киевская осень 73
Красные пресни 74
«Как для ребёнка шоколадка…» 75
«Между людьми растёт стена. 76
«Я, вскрикнув, пробудился ото сна…» 77
«Пророческий сумбур событий…» 78
«На часах — любовь без промедления…» 79
«Воспоминаний синий лёд…» 80
«Печальной рожей упаду в траву…» 81

Из книги
«ОБОЛОНЬ И ОКРЕСТНОСТИ»
(2022)

Источник 82
«Скажи “халва” медовыми устами…» 83
«Живописать Наталку, Оболонь…» 84
«На Оболони воздух свежий…» 85
«Безупречно поздний вечер…». 86
«Ночь наступила вырви глаз…» 87

«На Оболонь слетелась дичь…» 88
«Степные травы и цветы…» 89
«Песок и солнце, как часы…» 90
«Троещина. Пустой залив…» 91
«Замостье. Одичавший парк…» 92
«В заброшенном бесхозном парке…» 93
«Выходят ржавые баркасы…» 94
«Листва опавшая воскресла…» 95
«Весна натягивала стринги…» 96
«Часы разбиты на квадраты…» 97
«Из-под полы и на пол грудой…» 98
«Ты говоришь, что время лечит…» 99
«У детворы сегодня праздник…» 100
Veni, vidi, vici 101
«Слышу плач Эвридики…» 102
«Для новой звезды на кителе голубом…» 103
«Зацветёт ольшаник за бетонкой…» 104
«Куст черёмухи простой, как три копейки…» 105
«Расти, как дерево — берёза или клён…» 106
Собор 107

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Библиотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Андрей ГУЩИН

САТУРНАЛИИ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60х84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. №0851
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 7
Гарнітура «Cambria». Підписано до друку 14.02.2025 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

АНДРЕЙ ГУЩИН — поэт, главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Новый Гильгамеш». Живет в Киеве. Автор поэтических книг «Атлантические песни» («Траверса», М., 1999), «Солнечный остров Буян» («Водолей», М., 2012), «Сизиф на вершине» («Алетейя», СПб., 2018), «Оболонь и окрестности» («Друкарский двор Олега Федорова», Киев, 2022). Публиковался в журналах «Интерпозия», «Нева», «Крещатик», «Новый Свет» и др.

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

9 786178 000851